

История вопроса и вопросы Истории

Августин Блаженный, задаваясь вопросом о смысле Священной Истории, писал в знаменитом трактате «О граде Божием»: «Итак, два града созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, дошедшую до презрения к Богу; небесный – любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе. Первый полагает славу свою в самом себе, второй – в Господе. Ибо тот ищет славы от людей, а для этого величайшая слава – Бог, свидетель совести. Тот в славе своей возносит главу, а этот говорит Богу своему: *Ты, Господи... слава моя, и возносяй главу Мою* (Пс. 3, 4). Тем правит похоть господствования, в этом служат друг другу по любви. Тот любит в своих лучших людях свою же силу, а этот говорит: *Возлюблю Тя, Господи, крепость моя!* (Пс. 17, 2)¹. В извечном противостоянии двух градов видел блаженный Августин таинственную основу и смысл всемирной истории – историю борьбы божественного и мирского.

Один из двух дошедших до нас автографов «Жития» протопопа Аввакума, находящийся в составе так называемого Пустозерского

сборника И. Н. Заволоко и являющийся четвертой и последней авторской редакцией этого бессмертного произведения, содержит в своей вступительной части любопытный отрывок – это так называемая геометрическая притча аввы Дорофея из его 6-го поучения «О еже не судити искреннему» («О том, чтобы не судить ближнего»):

«Положи ми круг быти на земли, яко же начертание некое обло, от преходжения остана, глаголетжеся свойственне остан, еже посреднее круга, даже до остана. Положите убо ум ваш во глаголемое: сей круг разумейте ми быти мир, самое же, еже посреде круга, – Бога; стезя же, яже от круга идущая и до среды путия, сиречь жития человеческая, поелику убо входят святии к среде, желающе приближитися Богу, по равеньству входа близ бывают и Бога, и друг другу, и елико приближаются Богу, приближаются и друг другу; и елико приближаются друг другу, приближаются к Богови. Такожде разумейте и отлучение: егда бо оставят себе от Бога и возвращаются на внешняя, яве есть, яко елико исходят и удаляют себе от Бога, толико удаляются друг от друга, и елико удаляются друг от друга, толико удаляются и от Бога. Се таково есть еество любве: поелику убо есмы вне и не любим Бога, потолику имамы отстояние кждо ко искреннему. Аще ли же возлюбим Бога, елико приближаемся к Богу любовию, яже к Нему, толико соединеваемся любовию к ближнему,

и елико соединеваемся искреннему, толико соединеваемся Богу. Бог да сподобит нас послушати полезная нам и творити я, а не гневатися друг на друга, ниже яритися»^a.

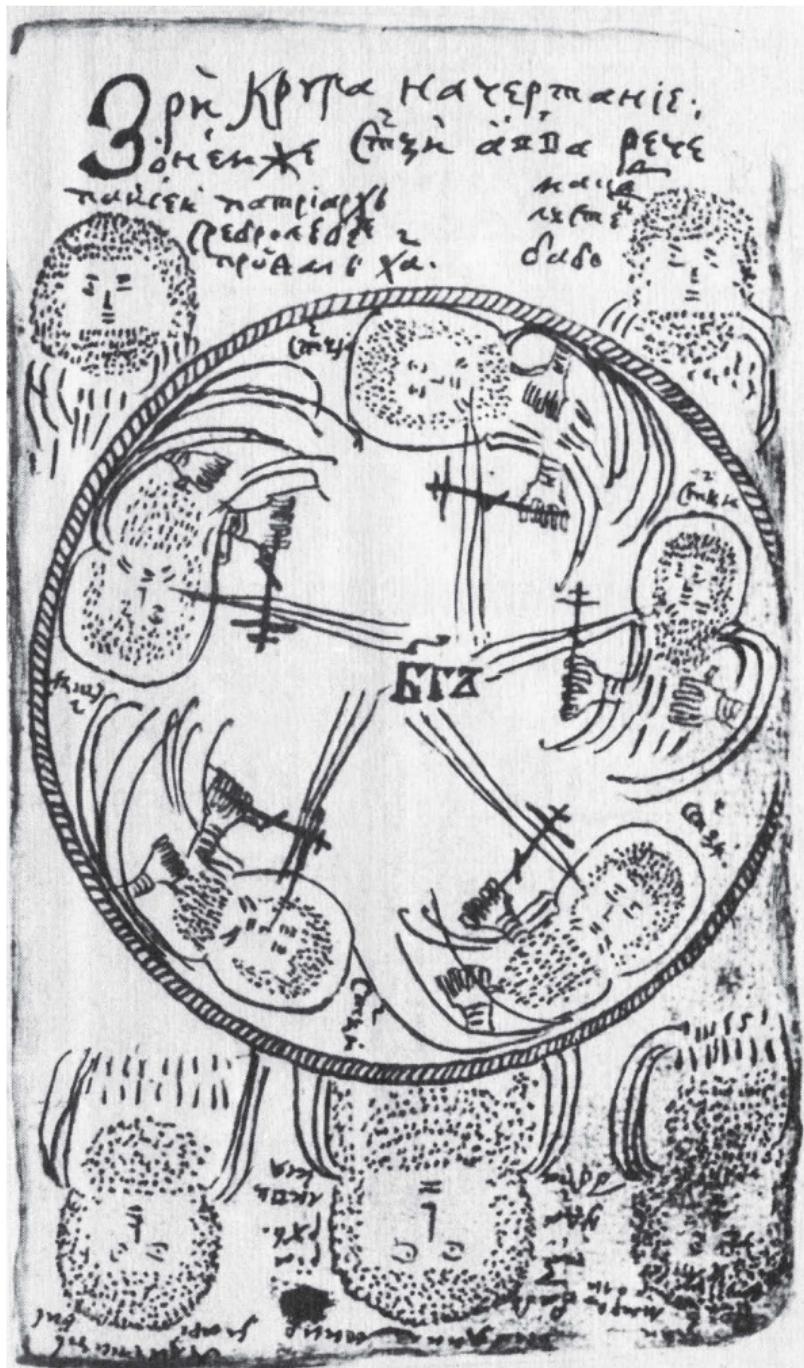
^a Текст приводится по изданию: Житие протопопа Аввакума. Издание подготовили Н. С. Демкова и Л. В. Титова. СПб., 2019. С. 64. В современном русском переводе этот текст звучит так: «Представьте себе круг, начертанный на земле, средина которого называется центром, а прямые линии, идущие от центра к окружности, называются радиусами. Теперь вникните, что я буду говорить: предположите, что круг сей есть мир, а самый центр круга – Бог; радиусы же, т. е. прямые линии, идущие от окружности к центру, суть пути жизни человеческой. Итак, на сколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, на столько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу; и сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу; и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. Так разумейте и об удалении. Когда удаляются от Бога и возвращаются ко внешнему, то очевидно, что в той мере, как они исходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга; и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково естество любви: на сколько мы находимся вне и не любим Бога, на столько каждый удален и от близкого. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с близким; и сколько соединяемся с близким, столько соединяемся с Богом. Господь Бог да сподобит нас слышать полезное и исполнять оное; ибо по мере того, как мы стараемся и заботимся об

Остальная часть листа авторской рукописи занята рисунком Аввакума, который иллюстрирует притчу аввы Дорофея и сопровождается следующими надписями: в центре круга охристой краской иноком Епифанием написано слово «Бог», около пяти фигур, изображенных в круге охристой же краской написано «святый»; около двух верхних фигур вне круга — «Паисей патриарх сребролюбец продал Христа и Макар льстец, бабо~~еб~~ (далее обрыв листа)»; около трех нижних фигур вне круга: слева — «Павел сый митрополит», в центре — «Окаянный митрополит, бабо... (окончание слова замазано чернилами), патриарх, удалившись от Бога», справа — «Архиепископ Иларион».

В данном случае и блаженный Августин, и авва Дорофей, и протопоп Аввакум по-разному говорят об одном: любовь к Богу и ближнему — это основной императив человеческой жизни и основное ее предназначение. И жизнь, и смерть Аввакума являются собой ярчайшее подтверждение этой главной евангельской заповеди.

В посланиях, отправляемых Аввакумом из пустозерского заточения, из земляной ямы к единомышленникам и духовным чадам, поражает особенность, подмеченная еще одним из первых его биографов В. А. Мякотиным,

исполнении слышанного, и Бог всегда просвещает нас и наставляет воле Своей».



Автограф Аввакума с карикатурами на никонианских архиереев

особенность, вообще присущая всей жизни огнепального протопопа — как человека и как духовного отца. «Как в догматических и полемических произведениях Аввакума выступают наружу его недюжинная эрудиция иialectические способности, как его проповедь и поучения отличаются своей простотой, меткостью наблюдений и энергией выражения, так в наставлениях, обращенных им к ближайшим своим ученикам, крупную характерную черту составляет глубоко-любовное отношение к ним, поразительная деликатность в обращении с чувствами человека. Он так мягко и нежно дотрагивается в этих случаях до душевных ран человека, так умеет соединить порицание и даже наказание с ободрением и поддержкой, что в нем пришлось бы признать замечательно тонкого психолога, если бы для объяснения этой нравственной чуткости у нас не имелось более простого пути в признании его человеком с богато развитой духовной организацией, с глубоко любящим сердцем»².

Даже осуждая своих духовных чад за тяжкие грехи и налагая на них суровую епитимью, Аввакум вместе с тем заботится о том, чтобы в их душах не поселилось уныние — еще более страшный грех. Подобное отношение, несомненно, привлекало к Аввакуму многих, и многие, видя такие отношения духовного учителя и учеников, обращались к отстаиваемой ими старой вере. «Насколько

резкие обличения “никонианства” и смелая проповедь привлекали людей к расколу, настолько же эти заботы об учениках, нежность в обращении с ними, деликатное врачевание душевных скорбей их, вся эта особая чуткость к страданию другого человека должны были прочными узами приковывать к Аввакуму сердца его учеников»³. Так некогда первые христиане служили для язычников примером истинной любви, и многие язычники, видя такую неподражаемую любовь христиан друг к другу, принимали новую религию.

* * *

14 апреля 1682 года, в Страстную пятницу, в заполярном городе Пустозерске вместе с единомышленниками и соузниками – диаконом Феодором, иноком Епифанием и священником Лазарем – в деревянном срубе был сожжен выдающийся русский писатель и религиозный деятель протопоп Аввакум. Что же послужило причиной этой страшной казни «пустозерской четверицы»?

До сих пор не найдено официального царского указа, осуждающего на казнь пустозерских страдальцев. Возможно, такого письменного указа не было вовсе, а было лишь устное распоряжение царя или патриарха. Отсутствие подобного указа, а также других документов (следственного дела и донесений исполнителей) неизбежно приводит к различного рода домыслам и догадкам. Наиболее

Казнь протопопа Аввакума



Пустозерские мученики.
Резная икона работы П. Г. Варунина. 2012 г.

популярных версий две: одна из них гласит о том, что Аввакум был сожжен «за великия на царский дом хулы» (т. е. причина политическая), другая – что за «хулы на церковь» (т. е. причина религиозная).

Первая версия – версия официальная, которой на протяжении трех веков, соответственно расставляя идеологические акценты, манипулировали имперские и советские историки, – впервые появляется в «Записках»

графа А. А. Матвеева: «Аввакума, бывшего протопопа Казанского собора Пресвятой Богородицы, что в Китае-городе в Москве, и сообщников его распопов, таких же раскольников, которые уже за тот свой раскол и ересь давно прокляты от Восточной святой Церкви, и в Пустоозерский острог в земляные тюрьмы заточены, и потом за великие на царский дом хулы сожжены были»⁴. Однако известно, что А. А. Матвеев приступил к написанию своих «Записок» значительно позднее, лишь после 1716 года. Тем не менее, эта формулировка кочевала из одной книги в другую, словно бы речь шла о каком-то официальном документе.

Так, в 1855 году церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) использовал записи Матвеева при написании «Истории русского раскола». Объясняя приговор Аввакуму, Макарий процитировал «за великие на царский дом хулы»⁵, сославшись на издание «Записок» 1841 года. В 1861 году ту же цитату, правда, уже без указания источника, использовал П.И. Мельников в биографической статье об Аввакуме⁶, а в 1894-м – В. А. Мякотин⁷. Биограф и исследователь творчества протопопа Аввакума профессор А. К. Бороздин писал в 1898 году, ссылаясь на П. И. Мельникова: «...Статья П. И. Мельникова Аввакум; по известию о казни Аввакума она является почти первоисточником, т. к. в известных источниках нет тех подробностей, которые сообщены Мельниковым»⁸. В 1911 году А. К. Бороздин

написал статью «Аввакум» для авторитетного «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефона. В нее также вошла цитата «за великие на царский дом хулы»⁹.

В результате, «у читателей складывалось впечатление, что автор цитирует официальный документ. Например, в 1912 году, отвечая на просьбу старообрядцев об установлении креста на месте казни Аввакума, местные власти уверенно возразили: “его превосходительство, приняв во внимание, что означенное лицо было подвергнуто казни, независимо религиозных воззрений, как государственный преступник, за великие на царский дом хулы, признал приведенное ходатайство не подлежащим удовлетворению”¹⁰. К сожалению, и в наше время нередко можно встретить недобросовестных журналистов и церковных деятелей, манипулирующих этой формулой как неким совершенно достоверным фактом.

Вторая версия (о религиозных причинах казни), которая поддерживалась в основном независимыми светскими историками XIX–XX вв., восходит, в свою очередь, к старообрядческой историографии. Старообрядцы с самого начала воспринимали протопопа Аввакума и пострадавших вместе с ним пустозерских узников как мучеников за древлеправославную веру. Выдающийся старообрядческий историк Семен Денисов в своем фундаментальном труде-мартиологе «Виноград Российский» так пишет о гибели протопопа Аввакума:

«Ревностно начало, ревностно многолетное страдания течение, благоревностен и конец терпения благоревностне показа, во 189 лете в Пустозерском острозе за древле благочестие, на Страстной неделе, в самый день страстей Христовых, страстотерпческою смертию огнесожжения осужден, ко всежелаемому Владыце огненною колесницею пламене восхищен от здешняго жития, всестрадальчески исходит»¹¹.

Историк Н. И. Костомаров в «Русской истории» (1872) писал, что «в Пустозерске сожжены были в срубе, за хулы на церковь, протопоп Аввакум, бывший поп Лазарь, дьякон Феодор и инок Епифаний»¹². Профессор и доктор русской истории Московского университета П. В. Знаменский в «Руководстве к русской церковной истории» первым связал пустозерскую казнь с предшествовавшим ей Собором 1681 года: «Распространение раскола усиливало против него строгие меры... Главные расколоучители Аввакум, Лазарь, Федор и Епифаний были сожжены на костре. Московский собор 1681 г. положил усилить средства к отысканию раскольников»¹³. В 1905 году к той же точке зрения присоединился и Д. И. Иловайский: «За Московским собором 1681 года последовали жестокие меры против раскольников. В ту же эпоху подверглись казни и пустозерские узники. Не имеем подробных известий об их трагической судьбе. Знаем только, что в конце царствования

Феодора II они были всенародно сожжены в срубе на Страстной неделе»¹⁴. К тому же выводу пришел и историк старообрядчества С. А. Зеньковский: «На церковном соборе 1681–1682 годов было решено усилить борьбу с церковным расколом. Одними из первых жертв этой политики явились пустозерцы»¹⁵. В 1990 году профессор кафедры Русской истории Лондонского университетского колледжа Линдси Хьюз также поддержала эту версию: «Переход к жестким мерам во время правления Софии был подготовлен церковным собором 1666–1667 гг., который отлучил старообрядцев от церкви и объявил старые обряды и тексты еретическими, а также собором 1681–1682 гг., который принял постановление о предании раскольников светскому суду. Накануне майского восстания (согласно старообрядческому преданию 14 апреля) лидер старообрядцев протопоп Аввакум и его “соузники” были заживо сожжены в каторжном поселении в Пустозерске»¹⁶. Эта версия вошла и в англоязычные справочные издания, в частности, в Новую британскую энциклопедию.

В этой книге мы рассмотрим подробнее обе версии. Однако чтобы понять смысл произошедшего 14 апреля 1682 года в Пустозерске, необходимо разобраться в сути церковного конфликта середины XVII века и выяснить роль и место в этом конфликте протопопа Аввакума и его соузников.

* * *

Когда говорят о церковном расколе середины XVII века, нередко ссылаются на многочисленные «погрешности» и «ошибки» в богослужебных книгах, на пресловутое «обрядовение» русского народа, на отсутствие оригинальной богословской традиции и прочее... Но всё это полнейший бред, давно опровергнутый серьезными исследователями – историками, филологами, философами и богословами. На проблему раскола необходимо смотреть совсем с другой стороны, а именно – в перспективе истории цивилизаций. Рост и усиление Московского централизованного государства явились новым вызовом для Запада, оказавшегося расколотым в результате церковно-религиозной реформации XVI века. К этому добавлялась угроза со стороны Османской империи, активно наступавшей с юго-востока и всё более расширявшей свои владения в Европе. И тогда силы Запада объединяются и начинают войну против России, воспользовавшись ее ослаблением и династическим кризисом: с северо-запада – протестантская Швеция, с запада – католическая Польша. Несомненна в этом деле и роль папского Рима и иезуитов. Продажное боярство, разбитая параличом власть, разбежавшиеся без жалования по своим поместьям служилые дворяне, шайки казаков, бродящих по всей стране и грабящих мирное население.

И интервенты, сидящие в Московском Кремле и в Великом Новгороде... Такова была невеселая картина тогдашней российской действительности.

В этот критический для всей страны момент в Нижнем Новгороде собирается народное ополчение – величайший пример самоорганизации русского народа. Освобожденная от иностранных захватчиков страна начинает постепенно восстанавливаться после разрухи Смутного времени. Еще «свежо было преданье», но люди думающие уже пытались осмыслить причины случившегося с государством Российским несчастья. Столкнувшись лоб в лоб с Западом, осознали свое отличие, истолковали, но каждый по-своему: одни как преимущество, другие – как ущербность. Отсюда и разность путей, предлагаемых для будущего развития государства. Русский церковно-политический деятель, писатель и публицист Авраамий Палицын (а вслед за ним и многие «ревнители благочестия»^а) видел

^а Так в литературе принято называть кружок духовных и светских лиц, объединившийся в конце 1640-х – начале 1650-х годов в Москве вокруг Стефана Вонифатьева, духовника царя Алексея Михайловича. «Ревнители» стремились к исправлению церковной и гражданской жизни в России после Смутного времени путём утверждения благочестия на основе строгого следования церковным уставам и постановлениям Стоглавого собора 1551 года. В него входили «люди начитанные и искусные в деле проповеди»: настоятель Казанского

причину трагедии Смутного времени в отступлении от идеалов Святой Руси, «новолюбцы» (от патриарха Филарета до Петра I) – в «отсталости» России от Европы. Конфликт был неизбежен, поскольку две позиции противоречили друг другу, а стороны были бескомпромиссны. И здесь мы снова возвращаемся к тому, с чего начали – в основе разделения русского общества, в основе церковного раскола середины XVII века лежал всё тот же извечный конфликт, о котором писал Августин Блаженный в трактате «О граде Божием»: «...два града созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, дошедшую до презрения к Богу; небесный – любовью к Богу,

собора Иван Неронов, протопопы Аввакум, Логин, Даниил, священник Лазарь; из светских лиц им сочувствовал Федор Ртищев и его сестра Анна Вельяминова, из чёрного духовенства – игумен Павел, будущий епископ Коломенский. «Ревнители» были реформаторами ещё до реформы Никона, и сам Никон (тогда архимандрит Новоспасского монастыря) им сначала сочувствовал и многому от них научился. «Ревнители» призывали к соблюдению христианской морали, восстановили практику проповеди, практически исчезнувшую в XV–XVI вв., устраивали центры христианского просвещения, выступали против скоморохов и тех, кто обращался к «колдунам», стремились поднять авторитет Церкви в глазах народа. Одной из центральных тем «ревнителей благочестия» стала отмена многогласия, при котором в церкви одновременно пелись и читались два и более текста, и замена его единогласием. Впоследствии пути их разошлись.

дошедшей до презрения к себе»... Реформаторы пошли по пути строительства «земного града», их противники выбрали «град Небесный».

* * *

А теперь немного подробнее. В 1652 году патриархом Московским и всея Руси становится Никон, который уже через год при активной поддержке царя Алексея Михайловича взялся за реформирование Русской Церкви. В чем заключалась суть этой пресловутой никоновской «реформы»? В основе древнерусской культуры лежала Книга. И формально всё началось из-за книг. Именно никоновская «справа» богослужебных книг спровоцировала раскол Русской Церкви и русского общества. Чем была книга для человека того времени? Богослужебная книга – это не только неотъемлемая часть религиозного культа. Это еще и учебник, по богослужебным книгам учились, т. е. книги были основой образования, а образование – это основа всякой культуры, необходимая для ее трансляции, для ее передачи последующим поколениям.

Идея «священного знания» (наряду с идеями «священного закона» и «пути спасения») является одной из важнейших составляющих любой религиозно ориентированной культуры. На Руси основным источником «священного знания» были святые, «божественные» книги. Они содержали в себе Истину

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru